

Ирина
Волчок

ГЛАВНЫЙ
ПРИЗ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В68

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.

СЕРИЯ «ВСЕ ЛЮДИ — РАЗНЫЕ»

Оформление — *Элина Кунтыш*

Волчок, Ирина.

В68   Главный приз : [роман] / Ирина Волчок. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 320 с. — (Все люди — разные).

ISBN 978-5-17-114986-4

Отдавая на конкурс дизайнеров свои работы, Юлия мечтала выиграть швейную машинку. А главным призом оказалась путевка в морской круиз. Роскошный теплоход, дорогие развлечения, избранное общество... Зачем все это ей, школьной учительнице, думающей только о детях в интернате, от которых она уехала на целый месяц? Ей неинтересно в этом круизе, это избранное общество ей не нужно, эти люди ей чужие. Никто из них, таких богатых, успешных и беззаботных, просто не знает, что есть другая жизнь. Да и не хочет знать. Но один из чужих захотел узнать о ней все, захотел понять ее жизнь и стать частью ее.

УДК 821.161.1-31

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© И. Волчок, 2019

© ООО «Издательство АСТ»,
2019

ISBN 978-5-17-114986-4

Глава 1

Конечно, это была чистой воды авантюра. Она с самого начала это чувствовала. И вообще ей совершенно не хотелось уезжать из дому за тридевять земель. Да еще для отдыха. Отдых! За первые же два дня она так измоталась, как за месяц самой напряженной работы. Зря она маму Нину послушалась. Как сейчас было бы здорово тихо-мирно сидеть на кухне, не спеша ковыряться с какой-нибудь интересной тряпочкой и смотреть телевизор. Или поваляться на травке под яблоней, почитать что-нибудь новенькое. А потом забежать на часок к детям, проверить, как они там сегодня... Машка без нее, наверное, скучать будет. Или не будет? Маленькая совсем, скорее всего — не будет скучать. Не успела еще привыкнуть...

Дверь купе дернулась, тихо отъехала на треть проектной мощности, в щель упал чемодан, за ним с размаху влетела небольшая дорожная сумка, сверху шлепнулись два битком набитых полиэтиленовых пакета, и дверь опять тихо закрылась. Интересный у нее сосед будет. Или не будет у нее соседа? Наверное, кто-то таким способом

багаж отправляет. Главное — погрузить багаж. А сам как-нибудь по шпалам добежит. Господи, как жарко... Сейчас бы под яблоню.

Дверь опять тихо поползла в сторону. Юлия повернулась и встретилась взглядом с тем самым длинным-стриженным-зубастым. Она уже хотела сказать что-нибудь вроде «чтобы я вас больше не видела», но тут заметила, что этот длинный-стриженный-зубастый и сам удивлен не меньше. Но в отличие от нее — явно обрадован. После первого остолбенения он тут же заулыбался, потер ладонью вызывающе короткий ежик волос какого-то неопределенного коричневато-серого цвета, шагнул через свои вещички и закрыл за собою дверь.

— Последний раз — на перроне, — сказала Юлия, устало прикрывая глаза. — Десять минут назад.

— А... ну да. — Длинный еще больше разулыбался, плюхнулся на полку напротив нее и, облокотившись на стол, положил подбородок на скрепленные руки. — А откуда вы знаете, что я спросить хотел?

— Привыкла, — равнодушно ответила она, без интереса разглядывая попутчика. — В наши последние три встречи вы задавали только один вопрос: «Где я вас видел?»

Он тихо засмеялся, глядя на ее серьезное лицо, откинулся назад и восхищенно щелкнул языком.

— Знаете, у вас удивительная речь. Говорят — «как по писаному»... Нет, даже не в этом дело. На-

верное, это интонация. Вы как будто привыкли, что вас слушают.

Он, улыбаясь, смотрел на нее, она с неподвижным лицом смотрела на него, и он постепенно перестал улыбаться, моргнул и почти обиженно сказал:

— Вы не хотите мне отвечать?

— А вы что-то спросили? — Юлия опять с тоской вспомнила тишину летней деревни, тень под яблоней или, на худой конец, телевизор в прохладной кухне. — Прошу прощения. Я не поняла вопроса.

— «Прошу прощения»... — задумчиво повторил он и удивленно повертел головой. — Я имел в виду... а, ладно. Меня зовут Виктором. А вас?

— Юлия.

Она молча смотрела, как он пытается придумать следующую тему для разговора. То-то. Если молчать достаточно долго, то любое трепло рано или поздно завянет. Ах, травка под яблоней!.. И на кой ей эти путешествия?

В стену купе за спиной Виктора вдруг сильно забарабанили. Он со вздохом поднялся и объяснил:

— Меня зовут. В соседнем купе Катька... э-э... сестра с мужем. Мы все вместе в отпуск собрались.

Он неторопливо запихнул свои сумки-чемоданы на багажную полку, открыл дверь, а уже выходя, оглянулся и вдруг спросил:

— А кто это вас в Москве на поезд провожал?

— Брат мужа, — помолчав, ответила Юлия.

— Я так и знал, — сказал он и вышел, с шумом задвинув дверь.

Она сидела все так же неподвижно, глядя прямо перед собой, и старалась думать о чем-нибудь вроде прохладной кухни, зеленой травки под яблоней, о недочитанной книжке или хотя бы об этом линкоре на колесах — новой Сашкиной машине.

— Ее, гаду, не запаркуешь, — гордо говорил Сашка, втискивая полукилометровое чудище на стоянку возле вокзала и подхватывая чемодан Юлии. — Ты ничего не забыла? Люся список написала, чего ей надо. Я тебе не отдам... Мало ли чего ей надо. Ей всегда чего-нибудь надо... Ничего, скажу — потерял. Ты там поаккуратнее, ага? А то террористов развелось... У тебя сколько денег? Я тебе пару сотен дам... нет, три. Бери-бери, не выпендривайся. Все равно или пропью, или Люська заберет. Ох, забыл! Жратва в машине осталась. Стой здесь, я сейчас, я мигом!

Он поставил ее чемодан у входа в здание вокзала, а сам умчался, не слушая слабых Юлиных возражений. Вот тогда и подошел в первый раз этот длинный. Подошел, минутку напряженно смотрел в ее ожидающее лицо, а потом спросил:

— Вы не знаете, где я вас видел?

— В милиции? — подсказала она, честно вспоминая, не встречались ли они и вправду где-нибудь по работе или так, случайно.

— Почему в милиции? — Он удивленно задрал одну бровь и разулыбался до ушей. — Вы разве милиционер?

— Нет, — равнодушно ответила она. Нигде они не встречались. Так, бамбук московский. За шлюху принял, наверное.

— Тогда почему в милиции? — не отставал он.

— Это я так шучу, — серьезно сказала Юлия. — На самом деле я не помню, чтобы видела вас в милиции.

— А вы что, часто там бываете?

Он улыбался так, будто позировал для рекламного плаката. Правда, отметила она, зубы у него очень хорошие. Сытое детство, режим, витамины. Или дорогой дантист.

— Я там бываю в среднем раз в месяц. Иногда — два-три раза в месяц. Иногда — раз в два-три месяца.

Он с веселым изумлением вглядывался в ее совершенно серьезное лицо, в ее спокойные, даже равнодушные глаза и улыбался.

— По необходимости или по недоразумению?

Ее позабавила формулировка, но ответила она опять без признаков улыбки, даже немного печально:

— Я думаю, что по недоразумению. Но они, как правило, считают, что по необходимости.

Он тихо засмеялся и быстро сказал:

— Через пятнадцать минут я уезжаю. Но через месяц приеду. Вы мне позвоните?

— Обязательно, — серьезно пообещала она, нетерпеливо высматривая Сашку. Где он бродит так долго? Не хватало еще на поезд опоздать.

— Вот. — Длинный-стриженный-зубастый вынул из бумажника визитную карточку и протянул ей. — Только вы обязательно позвоните. Я ждать буду.

— Ладно-ладно, — рассеянно сказала она и тут же увидела бегущего издалека Сашку.

И тут же кто-то выскочил из вокзальных дверей, заорал на ее странного собеседника, вцепился ему в рукав и поволок внутрь здания, причитая, что сейчас они все опоздают. Юлия аккуратно опустила визитную карточку этого улыбчивого психа в стоящую рядом урну, переполненную мусором, и помахала Сашке рукой.

— Ну, где ты шляешься? — склочным голосом сказала она. — До отхода поезда меньше пятнадцати минут.

— Ох, и вредная ты баба! — с удовольствием отметил Сашка, подхватывая ее чемодан. — И как вы там с матерью вместе уживаетесь?

— Приехал бы да посмотрел, — буркнула Юлия, едва успевая за ним.

— И говоришь точно как мать. — Он поставил ее чемодан на перрон и опять метнулся в сторону. — Погоди, сейчас я журнал какой-нибудь куплю. А то почти два дня ехать все-таки.

— Да не надо мне никакого журнала! — раздраженно крикнула она ему вслед.

И конечно, не последовало никакой реакции. Сашка — как, впрочем, и все его братики — свято верил, что лучше всех знает, что кому надо или не надо. Она вздохнула и отвернулась. Прямо перед

ней стоял этот длинный-стриженный-зубастый. Улыбался. Веселенький псих.

— Так вы не вспомнили, где я вас раньше видел? — вкрадчиво спросил он, глядя ей в глаза веселыми светлыми глазами.

— В кино, — хмуро сказала Юлия.

— Да, возможно... А в каком фильме, не подскажите?

— В документальном. О роли алкогольной интоксикации как мутогенного фактора в развитии необратимых патологий у детей.

Он почти перестал улыбаться и неуверенно моргнул:

— Вы это серьезно?

— Да.

Еще бы не серьезно. Фильм снимали в прошлом году и уже три раза крутили по телику. Вполне можно было ее увидеть — она появлялась в кадре почти на пятнадцать секунд.

— Нет, не видел. — Он с сожалением щелкнул языком и опять заулыбался. — А кого вы там играли?

— Себя.

Он с острым интересом вглядывался в ее лицо, улыбался, а потом сказал:

— Вы мне обязательно позвоните через месяц.

— Конечно. Я помню.

Юлия заметила бегущего с кипой журналов в руках Сашку и с облегчением шагнула ему навстречу, затылком чувствуя взгляд этого длинного. Он вроде бы и не противный, а все равно

как-то тревожно, когда вот так привязываются. Хорошо хоть, что она сейчас уедет отсюда.

— Вот. — Сашка сунул ей в руки полпуда макулатуры, подхватил чемодан и размашисто зашагал вдоль поезда. — Где тут у них эсвэшечка? Вот она у них где... Так, билет вот, документы твои вот, конверты вот, деньги вот... Стой, дай-ка я тебе еще сотенку баксов дам, а? Молчи, ты ничего не понимаешь, там в самый неожиданный момент может понадобится, а я все равно пропью... На, держи, прячь все как следует. И не выпускай сумку из рук. Знаю я, кто в этих эсвэ ездит. Смотришь — такой весь из себя крутой, а рука так в чужом кармане и живет...

— Тише ты! — шикнула Юлия, оглядываясь на людей, толпящихся в коридоре вагона. — Чего разорался? Трепло. Людей бы постеснялся.

— Да ла-а-адна тебе! — Сашка удачно скопировал интонацию одного из своих охранников. — Люди про меня то же самое думают, но не решаются вслух сказать. Ну, вот твое место. Пойдем на воздух, терпеть не могу эти поезда.

Он поставил чемодан под полку, прихватил ее сумочку и опять со страшной скоростью понесся впереди нее к тамбуру. Юлия вздохнула, бросила на столик десяток журналов, которые никогда в жизни не прочтет, и направилась следом. Надо забрать у него сумку и тут же прогнать, а то он еще чего-нибудь поскочет покупать ей в дорогу. Сашка хороший, но в больших дозах вызывает головокружение.

Она шагнула из вагона на перрон, отыскивая его взглядом, но увидела, конечно, этого длинного. Он стоял метрах в пяти от нее, в группе шумных, веселых, нарядных людей, улыбался и смотрел на нее. И, конечно же, сразу оторвался от своей компании, пошел к ней, остановился в шаге и очень серьезно заявил:

— Все-таки я вас где-то раньше видел. Это абсолютно точно. Но где?

Наверное, он едет этим же поездом. Вот ведь... Ну, ничего, если не выходить из купе — можно за всю дорогу ни разу не встретиться.

— Я не знаю, — отозвалась она устало. — Честное слово, я не знаю, где вы меня видели раньше. Если бы знала, обязательно сказала бы. Я ни в коем случае не стала бы скрывать этого от вас. Клянусь.

Он тихо засмеялся, жмурясь и мотая головой точно так же, как это делал старый интернатский кот Челленджер, когда ему выпадало что-нибудь вкусненькое. Нет, решила Юлия, совсем не противный псих. Даже вполне симпатичный псих, только вот где-то ее видел.

— Юль! — Сашка подлетел, нагруженный еще какими-то пакетами. — Я тебе орешков нашел. Соленых, с сахаром и с шоколадом. Держи сумку. Осторожней... Держи орехи. Иди в вагон. Иди, иди, нечего тут... Это кто еще такой?

Он смотрел через ее голову, и Юлия невольно оглянулась, ожидая увидеть рекламную улыбку Того, Кто Ее Где-то Видел. Но тот уже шел к своей

компании неторопливой, даже ленивой походкой, засунув одну руку в карман, а другой поглаживая коротко остриженную макушку.

— Он меня где-то видел, — объяснила она Сашке. — А где — не помнит.

— Во сне. — Сашка насмешливо фыркнул и подтолкнул ее к вагону. — Иди, я ждать не буду. Терпеть не могу ждать. Счастливо. Приедешь — и прямо к нам, да?

Он обхватил ее за плечи своими огромными, как лопаты, ладонями, наклонился, поцеловал в нос и отступил, с удовольствием глядя на нее с высоты своего двухметрового роста.

— Хороша — слов нет... Одни выражения. Ну всё, пока!

Сашка повернулся и стремительно зашагал прочь, а Юлия смотрела ему вслед с привычно ноющим сердцем. Димка и Сашка были близнецами. Наверное, у Димки сейчас тоже были бы морщины и седина на висках...

В коридоре загалдели, заспорили, дверь купе рывком отъехала в сторону, и на пороге остановилась сердитая красивая блондинка лет тридцати. Постояла, воинственно глядя на Юлию, глубоко вздохнула, сменила сердитое выражение лица на вежливую улыбку и сказала глубоким красивым голосом с неуловимым акцентом:

— Я к вам перехожу, если вы не против. — Она шагнула вперед, села напротив Юлии и вопросительно подняла брови. — Простите, мы с вами нигде раньше не встречались?

От двери послышался тихий знакомый смех, и Юлия, оглянувшись, увидела Виктора с дорожной сумкой в руках. Конечно, это и есть его сестра. Это у них фамильное — не помнить, где они раньше с ней встречались.

— Это моя сестра Катерина. — Виктор бросил сумку на полку и сел рядом с сестрой. — Она поссорилась с мужем и ушла от него. Я думаю, до утра. А может быть, даже до конца пути. Мы с ней местами поменялись. Вы не возражаете?

— Нет. — Юлия смотрела на блондинку изучающе. — Я рада.

У Виктора дрогнула бровь и уголки губ обиженно поползли вниз.

— Это почему же вы рады? Между прочим, Катерина — далеко не подарок. Радоваться абсолютно нечему.

— Есть чему, — Юлия перевела взгляд на него, — когда так жарко.

— Не просекаю логики. — Виктор глянул на сестру. — А ты?

— Иди к нему, — сказала та сердито. — А то еще решит, что мы заодно. И не напивайтесь там.

Виктор театрально вздохнул, поднялся, стянул сверху один из своих пакетов и ушел.

Катерина сидела молча, хмурилась, кусала губы, смотрела невидящими глазами и вдруг сказала:

— Жарко, и поэтому ты рада, что соседка я. Можно спать раздетой. Правильно?

— Да. — Юлия впервые за эти суматошные дни улыбнулась. — Вы психолог.

— Точнее, психиатр. — Катерина тоже улыбнулась и полезла в дорожную сумку. — И не надо на «вы», пожалуйста. Не такая уж я старая. Тебе сколько?

— Двадцать восемь через неделю.

— Ни хрена себе! — удивилась Катерина, оторвалась от своей сумки и обиженно уставилась на Юлию. — Я думала, лет двадцать. Ну, двадцать два... А мне в мае двадцать семь стукнуло. Можно поверить?

— Ты прекрасно выглядишь, — искренне сказала Юлия.

— Косметику сниму — тогда посмотрим, что скажешь.

Катерина с размаху шлепнула на стол объемистую кожаную косметичку и стала вытаскивать из нее какие-то баночки, бутылочки, салфеточки, тюбики.

— С такой жизнью будешь тут выглядеть, — сердито приговаривала она, с остервенением драя лицо тампоном, смоченным жидким кремом. — С такой жизнью надо миллионы в косметику вбухать, чтобы еще хоть как-то выглядеть... — Она на секунду оторвалась от своего занятия, уставилась на Юлию, ожидая вопроса, не дождалась и заговорила дальше: — Мужик меня когда-нибудь доведет. Ничего доверять нельзя. Ну, ни-че-го нельзя доверить! Сто раз напомнила: возьми камеру. Сейчас спрашиваю: взял? Говорит: не знаю, на-

верное, в сумке поищи. Я говорю: что значит — не знаю? Что значит — не знаю, если я сто раз напоминала! А он говорит: что ж ты сама не взяла? Нет, ты представляешь?! А почему это, интересно, я должна обо всем думать? — Она замерла, прислушиваясь, и раздраженно скомкала бумажную салфетку, которой только что собиралась вытереть лицо. — Уже ржут. Представляешь? Плевать им на нас.

Юлия слышала только громкий басовитый хохот в соседнем купе. Совершенно не похожий на тихий смех Виктора.

— Плевать им на нас, — со злостью повторила Катерина и вдруг звонко захохотала, откинувшись назад и прислонившись затылком к стенке купе. Замолчала, прислушалась к тишине у соседей и подмигнула Юлии: — То-то. Сейчас припрутся. Губы, что ли, опять накрасить?

— Ты и без косметики красивая, — искренне сказала Юлия. — И нечего их баловать. Пусть не думают, что ради них губы красят.

— Точно. — Катерина решительно побросала в косметичку свои баночки-бутылочки и резко встала. — Пойду умоюсь. Придут — а меня нет. Пусть не думают, что их здесь ждут. Ты тоже психолог, да?

— Нет, — отозвалась Юлия. — Я сельская учительница.

Катерина недоверчиво глянула на нее, засмеялась, хотела что-то сказать, но не сказала и ушла. Через минуту в дверь постучали. Ага, муж Кате-